

Е.Е. ВЛАСОВА, ученица 11 «Е» класса,

И.А. ВОЕВОДИНА, преподаватель, ГОУ ЦО «Царицыно» № 548, г. Москва

Конкурс «Первые шаги», номинация «Вдохновение»

В ЖИЗНИ ВСЕ БЫВАЕТ, ИЛИ НЕ БУДЕТ

Сестра сидела в кресле около моей кровати, подобрав под себя ноги, и читала книжку. Ее глаза бегали по строчкам, и она очень часто перелистывала страницы. Ее явно не интересовало, что там пишет О'Генри, поэтому она периодически поглядывала на меня. Сестра делала вид, что читает, а я, в который раз отвернувшись к окну, попытался сделать вид, что сплю. Это было довольно трудно, ведь на дворе стояло солнечное утро и мне уже последние часа два не хотелось спать. Но сестра сидела рядом и совсем не собиралась никуда отходить, поэтому я не мог даже встать, чтобы взять со стола журнал.

Внезапно сестра захлопнула книжку, я даже испугался от неожиданности, но виду не подал. Она зачем-то глубоко вздохнула, хмыкнула в мою сторону и вышла из комнаты. Секунд пять я лежал не шевелясь, но затем аккуратно приподнялся на локтях и посмотрел в сторону двери. Странная она у меня какая-то.

Я тихонько откинул одеяло и спустил ноги на пол. Коврик был еще более колючим и холодным, чем обычно. На цыпочках, чтобы не создавать ни малейшего звука, я подошел к двери и прислушался. Сестра копошилась на кухне. Из крана текла вода, кипел чайник; еще я услышал стук ножа и плавное жужжание микроволновой печи. Ну, значит, несколько минут у меня есть.

Я так же тихо подошел к столу и взял свой журнал. С трудом преодолев желание сесть за компьютер, вернулся в постель. Но почи-

тать мне не удалось. Открыв недочитанную еще с вечера статью, я понял, что не слежу за тем, что читаю. Так что, прочитав первую строчку очередной раз, я отложил журнал и задумался.

Какая же это неприятная порой штука — жизнь. Кто знал, что все так сложится? Лежишь теперь, прикованный к кровати, и ничего нельзя делать. Только спать, спать и спать... А ведь за окном было теплое воскресное майское утро. Я не мог усидеть на месте и подошел к окну. Вид из моей комнаты открывался на очаровательный парк, в котором всегда было много ребятишек, мирно играющих в мяч или рисующих мелом на асфальте. До болезни мы с сестрой катались там каждый день, именно там мы проводили все лето, я знал каждое дерево и каждый кустик, именно там я начинал жить. А сейчас я должен был любоваться им из окна, никогда более не имея возможности пройтись по его травянистым полянкам и грунтовым дорожкам...

Солнце было уже высоко, а я все еще ходил в пижаме. Мне хотелось выпрыгнуть прямо из окна в эту манящую небесную даль, чистойшую, не запятнанную ни единым облачком. Как мне хотелось одеться и пойти на улицу, где все такое веселое и приветливое, радостное и весеннее, где поют птицы и пахнут цветы. Вот пойти бы сейчас и нарвать сестре сирени, она была бы очень рада...

Вспомнив о сестре, о ее глубоких и добрых зеленых глазах, всегда сурово, но с благоговейным трепетом смотрящих на меня,

я вспомнил и о том, что сейчас идут последние дни, когда я могу ее видеть, любоваться и гордиться ею. Я представил, что будет с ней вскоре, и комок подкатил к горлу, цвета вмиг потеряли яркость, а глаза заслонила пелена. Бедная моя сестренка... Как же мне хотелось никогда не оставлять ее, обнять и не отпустить.

От этих грустных мыслей у меня разболелась голова и закололо сердце. Врач говорил, что мне нельзя думать о плохом, нельзя нервничать, нужно настраивать себя только на хорошее. Это продлит жизнь хотя бы на короткий срок. Я бы не стал себя беречь, но он уговорил меня, ведь это все ради нее, ради сестры.

За этими мыслями я не сразу услышал шаги сестры. Я быстро нырнул в постель, и как только я укрылся одеялом и прикинулся спящим, сестра появилась в дверях.

— Ладно тебе прикидываться, я же знаю, что ты уже давно не спишь, — как всегда мило, заботливо и чуть не плача сказала сестренка.

Я сел и смущенно посмотрел на нее. Она улыbnулась мне из-под своего сурово-плачущего взгляда и поставила поднос с завтраком на журнальный столик рядом с кроватью. Столик хоть и был журнальным, но на нем в последнее время не было даже телефона с будильником. Сестра все убрала, чтобы я не напрягал голову. Она поправила мне подушку за спиной, положила туда еще одну и сказала:

— Ешь.

Затем села на свое привычное место в кресло и взяла в руки книжку.

Я потянулся к подносу и взял с него бутерброд. Благо, что хотя бы есть и пить мне можно было все, кроме алкоголя и всяческих энергетиков, негативно действующих на мозг.

Жуя свой завтрак, я, как и на протяжении всего последнего месяца, рассматривал сестру. С каждым днем она становилась все меньше и меньше, словно не я был смертельно болен, а она. Поначалу, когда мне только поставили диагноз, она единственная из всей семьи кто не воспринял все всерьез. Она рассмеялась и сказала, что у меня не может быть рака мозга, что ему неоткуда взяться и что врачи все придумали, чтобы вытянуть из отца деньги. И я, и отец понимали, что Кнопка (мы с папой всегда так называли сестру, вообще-то ее звали Настей) просто не хочет верить. Когда ей было пять, умерла мать, и она очень боялась потерять теперь и меня. Настя, все время, что я проводил в постели развлекала меня, сме-

шила, рассказывала придуманные истории. Придя из школы, она пересказывала все случившееся за день, готовила мне и себе чай, приносила мои любимые пирожные (не каждый день, конечно, а каждый раз, когда накапливалась нужная сумма с ее карманных денег), и казалось, что такая жизнь ее вполне устраивает, а то, что я сижу дома и гулять она не ходит, ее не волновало. Но так было до первой операции...

После операции список действий, которые я мог бы выполнять, резко сократился. Мне запретили буквально все, даже говорить нужно было гораздо меньше. Мне пришлось пить бесконечные лекарства, делать уколы и все время спать, спать, спать. Вставать нельзя даже на минуточку, только в особых случаях. С этих пор прошел уже почти месяц... Сначала Настя вела себя как обычно, но, видя ухудшение моего состояния, она сама стала гаснуть, как свечка. Она по-прежнему проводила со мной все время, говорила со мной, читала мне, даже иногда разрешала музыку слушать, но очень тихо. А две недели назад, когда мне сказали, что рак вылечить уже невозможно, сестра изменилась донельзя. Всегда веселая и беззаботная, душа любой компании и способная любого поставить на ноги, она превратилась в замкнутую, серую личность, полностью сконцентрировавшую свое внимание на мне. Она контролировала все мои действия, даже перестала ходить в школу и все время сидела со мной. Она почти не спала, перестала следить за собой, а уроки делала, пока я спал. Она, несмотря на полную безнадежность и отчаяние, царившие в ее душе, не собиралась сдаваться. Лекарства, которые она все-таки вынудила доктора прописать, становились все дороже, но они действительно помогали, потому что Настя так хотела. Отцовской зарплаты менеджера стало не хватать, и сестра тоже стала работать. По какому-то знакомству из школы она нашла одно издательство, согласившееся печатать ее рассказы. В печать первый сборник вышел очень быстро и, как ни странно, принес прибыль. Ее вдохновил этот успех, поэтому она продолжила писать. Судя по коротким телефонным разговорам, отрывки которых мне удавалось слышать, тираж книг вырос, читателям понравилось творчество маленькой тринадцатилетней девочки. Настя уже закончила второй сборник и почти дописала роман, и, кажется, скоро должны были захватить, забрать ее рукопись.

Проглотив последний кусок бутерброда, я потянулся за следующим. Настя следила

за каждым моим действием, и стоило мне пошевелиться, она дергалась.

У сестры были жуткие синяки под глазами, но сами глаза блестели, как всегда. Как же она сильно повзрослела за последнее время. Сестра выглядела измотанной, но ее тепло струилось изнутри. И мне все равно хотелось улыбаться и жить, глядя на нее.

— Ты бы запил, что ли, — протянула она мне чашку моего любимого чая.

— Спасибо, — сказал я, дожевывая бутерброд и беря из ее рук чашку. — Кнопка, ты когда спала последний раз? Вид у тебя ну уж очень потрепанный.

— Темка, ты бы о себе лучше думал, опять журнал таскаешь. Знаешь, что тебе нельзя ничего читать, — она вздохнула, томно и нежно глядя на меня, — а обо мне не волнуйся, я спать совсем не хочу, я поспала... — и предательский зевок все-таки раскрыл ее, — вчера ночью я поспала довольно неплохо.

— Ты давно мне ничего не рассказывала. Как твои успехи? Ты дописала роман?

— Да, дописала и сейчас уже второй пишу, — о себе она всегда говорила монотонно. — Ты себя как чувствуешь? Что-нибудь принести?

— Нет, ничего не нужно, спасибо, — и тут меня осенило. — Настька, а сыграй мне на гитаре, пожалуйста, а то я уже и аккорды совсем позабыл.

Она испуганно оглянулась по сторонам, словно за шкафом или под кроватью кто-то мог сидеть, а затем прошептала мне:

— Ты что! Нельзя тебе!

— Ну, пожалуйста, а то я от скуки умру! — проныл я. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

— Ладно, только одну песню! — Кнопка встала и сняла с крючка гитару. Когда мне еще было можно, мы с ней неплохо играли вдвоем. А сейчас я вдруг понял, что не держал в руках гитару около трех месяцев. Кнопка периодически брала ее и играла на улице, во дворе, тогда я открывал окно и слушал, как она поет.

Настя бережно перебрала струны, настроила свой инструмент и спросила, что сыграть. Я выбрал нашу с ней любимую песню Lemon Tree группы Fool's Garden.

Утро выдалось очень пасмурным. Я проснулся часов в шесть от бешено стучащего в окна дождя и грома. Голова болела безумно.

Сестра спала в кресле, мирно свернувшись калачиком и зажав в одной руке телефон, а в другой книжку. Видно, она заснула не так

давно. Я потянулся к ее руке и аккуратно вытащил телефон. Да, шесть тридцать. Больше не заснуть из-за боли в голове. Я тихонько встал и медленно пошел к двери. Только я дошел до нее и взялся за ручку, произошло то, чего я совсем не ожидал. Голову пронзила адская боль, от чего я невольно закричал и упал на пол. Потом у меня отнялись ноги... Дальнейшие события иногда ускользают от меня, но что-то я все-таки помню.

Как только я упал, Настя резко проснулась и, вскочив, подбежала ко мне.

— Тема, что с тобой? Голова болит? — Она попыталась меня поднять, но не смогла, я не мог пошевелиться, внезапно все тело откасалось мне повиноваться. Настя уже плакала. — Папа! Папа, скорее сюда, Артему плохо, он упал, Папа!!! Папа, папа!!!

На крик сестры прибежал сонный отец. Увидев меня на полу, он тут же подхватил меня на руки и положил на кровать. Настя уже сунула ему в руки телефон, велев звонить в «скорую».

Через мгновение она опять стояла надо мной, поправляя холодное и мокрое полотенце на моей голове. Отец уже прыгал на одной ноге, одной рукой натягивая джинсы, а второй прижимая телефон к уху и что-то говоря в трубку. Когда Настя успела подготовить шприц с лекарством, я не заметил, однако она очень быстро сделала мне укол. Средство подействовало моментально, и ноги снова стали мне подчиняться, жаль только, что боль в голове несколько не утихла.

Кнопка стала собирать мои вещи. Я закрыл глаза и старался думать о хорошем. Послышался голос отца:

— Настя, мы отвезем Артема сами, эту «скорую» не дожدهшься, так что одень его. Ты вещи его уже собрала? — Отец говорил тихо, ровно, шепотом, чтобы не было заметно истерических ноток в голосе. Я не видел его лица, но был уверен, что оно очень напряженное. А еще я слышал, что сестра плачет.

— Хорошо, папа.

Она достала из шкафа мои вещи — спортивный костюм и футболку, усадила меня, помогла надеть футболку и ветровку, а штаны мне удалось надеть самому. Идти я по-прежнему не мог, так что мои кроссовки она принесла прямо к кровати и тоже помогла их надеть.

А потом... потом я закричал от боли, испугав Кнопку. Что было дальше — не помню, голову кололи миллионы ножей, и я потерял сознание. Очнулся я в больнице. В палате было светло, а за дверью сестра разговаривала с от-

цом и врачом. Говорили они негромко, но я все равно отчетливо слышал их разговор. Они спорили.

— Пап, езжай домой, поспи, тебе на работу завтра, а я с Темкой останусь, мне так легче будет, — уговаривала сестра.

— Кнопка, ты тоже домой поедешь, здесь нельзя на ночь оставаться.

— Да почему же нельзя? Брат в тяжелом состоянии, ему нужна поддержка!

— Ты ему не поможешь сейчас, он в коме уже третьи сутки. Ты все это время с ним. Езжай домой и отдохни, хочешь, я останусь?

— Нет, тебе на работу! — Кнопка не сдавалась. — Доктор, ну скажите ему!

Я открыл глаза. Какой-то компьютер около меня запищал.

— Он пришел в себя, подождите, — уже явно устав от их спора, сказал врач.

Дверь открылась, и доктор, мило улыбаясь, вошел в палату. Отец и Кнопка прильнули к стеклу с той стороны в полном молчании. Никто из них уже и не думал посылать другого домой.

— Как себя чувствуете, молодой человек? — мило поинтересовался доктор. — Вы пролежали без сознания три дня.

— Спасибо, отвратительно себя чувствую. Голова болит и двигаться не могу, — честно и очень слабо подал я голос.

Он измерил мое давление, пульс, температуру, сделал какие-то записи с приборов, которые окружали изголовье моей кровати. Закончив, она сказала:

— Ну, я вам пока лекарство вколю, и вы сможете пообщаться с родными. Они очень переживали за вас.

Доктор сделал мне укол и удалился. Папа и Настя вошли в палату и сели рядом со мной. Настя подоткнула одеяло, поправила подушку, а потом обняла меня, украдкой утерев слезы. От ее волос пахло сиренью и теплом, вся она пахла жизнью и домом, всем, чего мне так не хватало. Она отпустила меня, всхлипнула и сказала шепотом:

— Все будет хорошо.

Ее добрый, милый шепот, вселяющий надежду. Моя Настенька, измученная, светилась ярким лучиком среди всей этой мрачной аппаратуры. И мне, глядя на нее, даже стало легче. Я улыбнулся ей.

В тот момент мне казалось, что все уже позади... Но не тут-то было. Мы просидели молча несколько минут, погруженный каждый в свои мысли. Я смотрел на мою семью и хотел жить. Я хотел прямо сейчас поехать домой

вместе с ними, а не торчать здесь и ждать смерти... но, очевидно, кто-то не хотел этого. Голова начала пульсировать, в глазах помутнело. С чего это вдруг?

Настя заметила мое волнение, пододвинулась ко мне и сжала мою ладонь:

— Тем, все в порядке?

— Пап, Кнопка, я очень вас люблю, спасибо, что вы у меня есть, — слабо сказал я, держась за голову свободной рукой.

— Пап, позови доктора! — Настя начала метаться вокруг меня, отец выбежал из палаты, что-то кому-то крича.

— Тема, братишка, Темочка, останься со мной, не уходи! — Сестра плакала, я физически ощущал ее боль и ее любовь. — Как мы без тебя, Артем, пожалуйста!

— Кнопка, не плачь...

Это все, что я смог сказать. Глаза закрылись, тело ослабло. Какое-то время я еще был в сознании, слышал, как сестра звала меня, слышал, как прибежали санитары с криками «в операционную!». Помню, как Настя разрыдалась в голос, впервые в жизни. Слышал, как отец ее успокаивал, а когда меня привезли и зажгли надо мной яркие белые лампы, я отключился.

Но я выжил. Как только я очнулся, Настя обняла меня, и я вновь почувствовал живительную теплоту и запах сирени ее волос, ее любовь, ее радость. Она плакала, но уже от счастья. Даже отец плакал.

Это была очень тяжелая операция, все думали, что я умру. Сестра и отец по очереди сидели около меня каждый день после операции. Я был в коме и видел сны целый месяц. Я жив. Я жив благодаря Насте. Ее преданность и самопожертвование, любовь, терпение, забота спасли меня. Если бы не ее рассказы, мы не оплатили бы операцию. Если бы не ее тепло, я бы не выжил...

Я остался инвалидом на всю жизнь, у меня нарушение опорно-двигательного аппарата, и я еще некоторое время не смогу ходить, но я жив. Я каждый день вижу Настю и чувствую ее тепло. Каждый день мы ходим гулять в парк. Настины рассказы покоряют все больше читателей, и она пишет уже третий роман. А я решил учиться на врача. Надеюсь, у меня получится.

С момента операции прошел год. Я жив. Живу и буду жить! Спасибо моей Насте. Она просто любила. Да, любовь творит чудеса. В жизни бывает всякое, но если есть близкие, если есть любовь, то пережить можно все — я это знаю.

